

МАКС ВЕБЕР: 140 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Р.П. Шпакова

МАКС ВЕБЕР: «АГРАРНЫЙ ВОПРОС»*

Эмпирические исследования острейших проблем немецких восточных провинций Макс Вебер проводил в 1891–1893 гг. Вместе с тем именно в этих исследованиях четко определились те ключевые мировоззренческие и научные позиции Вебера, которые в дальнейшем стали ведущими в его многогранной деятельности. Общие выводы и конкретные рекомендации классика социологии актуальны для современной российской социальной науки и политики.

Аграрный вопрос в современной России, остающейся в большой степени страной со значительной долей сельского населения, является не только острейшим, но и трудно решаемым. Сегодня он столь же актуален, как и сто лет назад. Начатый недавно процесс становления фермерских хозяйств практически остановился, территории, традиционно бывшие сельскохозяйственными, по разным причинам пустеют. Ощутимы неразвитость инфраструктуры села, недостаток рабочих мест, слабость ипотечного кредитования. До сих пор затягивается решение принципиального для России вопроса о собственности на землю. Следствие состоит в том, что земли, по сути, не имеющие хозяина, например на Дальнем Востоке, постепенно заселяются людьми из других стран, прежде всего из Китая, и противостоять такому движению сегодня никто не в состоянии, тем более что экономическое отставание этих районов по сравнению с западом страны не является секретом. Причины происходящего, к сожалению, мало кого интересуют. Однако ясны результаты заселения. Они имеют не только экономическое, но и серьезное культурное и геополитическое значение. Происходит сокращение культурного и социально-экономического пространства страны, а это уже важная политическая проблема. Она настоятельно требует обсуждения и принятия эффективных решений. Даже массовая пресса России не просто освещает процессы, но выражает серьезную обеспокоенность ими и бьет тревогу. В конечном счете речь идет о жизнеспособности и стабильности страны и ее регионов, что напрямую связано с ее безопасностью.

---

* Автор приносит глубокую благодарность Фонду Тиссена, который предоставил возможность собрать материал, значительная часть которого впервые вводится в научный арсенал, и предоставил условия для подготовки настоящей статьи.

Странам Европы также приходилось сталкиваться с аналогичными процессами. Так, в конце XIX в. для Германии необычайно накалилась ситуация с положением остэльбских крестьян страны, вытесняемых польскими сезонными рабочими. Макс Вебер основательно и всесторонне изучил причины данного положения и его возможные следствия для будущего Германии. По его мнению, вопрос касается не просто регионального процесса, но является важнейшей геополитической проблемой, решать которую надо незамедлительно, ибо под угрозой оказывается территориальная целостность страны, ее экономика, культура и безопасность. В соответствии с политическими отношениями своего времени и своей страны Вебер предложил решение. Нет необходимости в механическом копировании его позиции, однако отечественная — российская — ситуация действительно остра, и потому изучение исторического опыта других стран принесет пользу, даже если этот опыт едва ли можно будет применить в современной России. Тем не менее, практические рекомендации и решения всегда вызывают интерес. Важна и методология исследования причин происходящего, способ анализа определяющих тенденций, а это уже немало.

Обращение Вебера к аграрным проблемам связано с рядом обстоятельств, которые надолго определили направление его политической деятельности и научного интереса. Вместе с тем именно в трудах по этим проблемам четко обозначились те ключевые мировоззренческие и научные позиции Вебера, которые и в дальнейшем — вплоть до терминологической адекватности — остались ведущими, неоднократно подтверждаемыми и неизменными в его многогранной деятельности. Как правило, это труды ранних этапов, когда Вебер делал первые, но отнюдь не слабые шаги в социальной науке и национальной политике. Обращение к аграрным проблемам было и осмыслением того жизненного материала, с которым Вебер сталкивался вплотную в реальной действительности. Вебер провел ранние годы, вплоть до первых студенческих лет, в восточной части Германии, более аграрной и индустриально (по сей день) менее развитой, чем западная часть страны. Сам он всегда делил Германию на индустриальный запад и аграрный восток. Еще будучи студентом и изначально ориентируясь на проблемы права, прежде всего римского, Вебер активно участвовал в работе статистико-юридического семинара, в котором изучались аграрно-правовые вопросы и их историческая динамика, начиная с античности. Интерес стимулировался и общей ориентацией господствующих тогда в социальной науке исторических школ, например национал-экономии, на изучение истории аграрных отношений не только в Германии, но и за ее пределами. Семинар действовал под руководством профессора Августа Майтцена (1822–1910), статистика и экономиста, известного специалиста по аграрным проблемам современности и их истории. Именно он изначально и серьезно повлиял на формирование стойкого интереса Вебера к аграрной истории древнего Рима и стал его научным руководителем. В частном письме от 31 декабря 1889 г., адресованном дяде Герману Баумгартену, Вебер пишет о Майтцене: «Мой высокоуважаемый и любезнейший учитель, известный историк аграрных отношений Майтцен» (Weber 1924: 323). С его помощью Вебер подготовил к защите и

успешно защитил в 1891 г. диссертацию «Аграрная история древнего Рима в ее значении для государственного и частного права» (Weber 1891). Публикации сравнительно небольшого диссертационного текста предшествовало напечатанное на отдельной странице почтительное выражение глубокой и действительно искренней благодарности А. Майтцену, тем более значимой, что такое выражение было отнюдь не обязательным (Weber 1891: 2; Weber 1986: 92). Во введении Майтцен назван высокочтимым ученым, а текст диссертации содержит огромное число ссылок на него.

Поводом для практического изучения Вебером положения крестьян в восточных областях Германии послужила его военная служба в тогда приграничной с Польшей провинции Позен (лето 1888 г.) и его пребывание тогда же в округе Гнезен по приглашению руководителя местного ландрата. Вебер сумел обстоятельно познакомиться с наиболее острыми проблемами жизни этой восточной провинции и во время своего третьего призыва в качестве резервиста в местечке Шримм летом 1891 г. Социальные и экономические отношения здесь, пишет он в письме к брату от 7 июля 1891 г., «гораздо интереснее, чем на аналогичных территориях на западе. Активное участие помещиков ведет к весьма своеобразному формированию общественных классов. Сюда же добавляются национальные и конфессиональные противоречия и трудности в отношениях маленького гарнизона с гражданским населением, в котором немцы представлены в основном учителями гимназии» (Weber 1924: 337).

Веберу, юристу, историку и экономисту, роль аграрного фактора всегда представлялась в высшей степени значимой в жизни общества. Более того, проблему села он отнес к обостряющимся «существенным политическим вопросам» (Weber 1924: 329). Поэтому позже в своих «русских» статьях Вебер особо выделяет для аграрной России «решающий центральный вопрос: аграрный» (Weber 1989: 656), а в нем — вопрос о земле, который в России никогда не находил однозначного решения, удовлетворяющего прежде всего крестьянство. Эта неопределенность была причиной того, что крестьянство покидало насиженные места и отправлялось не только в российские города, но и за рубеж, в Европу, прежде всего в Германию, стремясь всячески закрепиться здесь на свободных землях.

Вебер сравнивает позиции политических партий России по решению ими именно аграрного вопроса. Демократические и либеральные партии страны, показывает Вебер, не могут добиться единства позиций не только по этому, но и по многим другим вопросам. Зато социалисты вкупе с народниками успешно проваливают деятельность созданного еще Екатериной II Императорского вольного общества, целью которого было распространение нужных и полезных для крестьян сельскохозяйственных знаний, показывает Вебер (Weber 1989: 94). Они разлагающе влияют на трудовую мораль людей, сеют конфликты самой разной природы. Примитивный «аграрный коммунизм», усиленно насаждаемый социалистами, вообще выступал и тормозом развития и опасной альтернативой решению назревших проблем русского села. Граф С.Ю. Витте, председатель комитета министров, писал о ситуации в деревнях: «Крестьяне в различных местностях бунтовали и тре-

бовали земли» (Витте 1922: 185). Само же крестьянство, разобщенное и не принимавшее позиций ни социалистов, ни дворянства, стихийно стремилось к получению земли в частную собственность. Эту тенденцию Вебер смог рассмотреть даже из русских газетных публикаций. Без активного содействия крестьянства, четко осознающего свои цели, в России невозможно построение демократического правопорядка, считал Макс Вебер. Интересы и цели крестьян объективно способствовали движению общества именно в этом направлении. Вебер намеревался посетить Россию, не только Петербург и Москву, но и русские села, чтобы воочию, на месте изучить аграрный вопрос и найти подтверждение своим суждениям и оценкам российских реалий. Однако болезнь, финансовые проблемы, загруженность научной работой помешали реализации этих намерений.

Кризис, охвативший сельское хозяйство Германии со второй половины 1880-х гг, вызывал тревогу во всем обществе. «Немецкое сельское хозяйство больше не в состоянии снабжать население страны продовольственными продуктами. Экспорт зерна из восточных провинций уже потому не имеет значения, что немецкое зерно не может конкурировать с иностранным», — говорил Макс Вебер в речи «Капиталистическое развитие Германии и его значение для миграции населения» 9 января 1897 г. (Weber 1993b: 816). Причины кризиса можно было искать и в падении цен на зерно, и в большой задолженности крестьян, и в сокращении оплаты их труда. Следствия были налицо: отток рабочей силы из сельского хозяйства — вплоть до эмиграции немцев в США, и постепенное заселение пустеющих восточных земель сезонными рабочими из Польши, входившей тогда в состав России, и из самой России. Канцлер Бисмарк, выходец из рода остэльбских юнкеров и хорошо знавший ситуацию на востоке страны, писал в своих «Мыслях и воспоминаниях»: «Если я и защищал землевладение, то делал это не в интересах землевладельцев одного со мною сословия, а потому, что в упадке сельского хозяйства я вижу одну из величайших опасностей для всего нашего государственного существования» (Бисмарк 1940: 12).

Большинство сезонных рабочих составляли поляки, легко пересекавшие близкую границу. В силу своего более низкого социального статуса и более скромных жизненных притязаний по сравнению с немецкими рабочими сезонные переселенцы вытесняли немецких крестьян, заставляя их или эмигрировать, или пополнять ряды городского пролетариата. «Сельскохозяйственные рабочие восточных провинций не могут бастовать, <...> но при этом упускают из виду, что они если не по форме, то по содержанию проводят постоянную массовую стачку, а именно путем миграции в города или вообще в другие страны», — пояснял Вебер в той же речи. Остававшиеся на селе были вынуждены вступать в неравную борьбу за рабочие места. Но для этого немцы должны были снижать свои привычные, давно устоявшиеся жизненные стандарты. Остановить «полонизацию» немецкого востока означало сохранить немецких сельскохозяйственных рабочих, вытеснив пришедших с востока славян, прежде всего поляков, укрепить здесь немецкие ценности жизни и культуры, что объединялось в понятии «политика германизации» («Germanisierungspolitik»), которую в виде новой программы конкретных дей-

ствий можно было бы рекомендовать правительству. Старая программа, разработанная в коридорах власти, была неопределенной и фактически нереализуемой. Ее реализация существенно затруднялась открытием польско-немецкой границы в 1890 г., закрытой во времена Бисмарка, и данным тогда же разрешением русским селиться на освободившихся землях.

Вплотную, т. е. с сугубо научной и политической точек зрения, Вебер обратился к изучению положения остэльбских крестьян по поручению Союза социальной политики. Союз основал и возглавлял влиятельный экономист и политик, сторонник социальных реформ, лидер так называемой новой исторической школы в национал-экономии и «катедер-социализма» Густав Шмоллер. Со времени своего основания в 1872 г. и особенно после ухода канцлера О. Бисмарка в отставку в марте 1890 г. Союз социальной политики успешно занимался анализом действительно ключевых проблем немецкого общества и брал на себя ответственность за предлагаемые правительству рекомендации. К числу последних важнейших проектов Союзом был отнесен так называемый аграрный вопрос. Детальное изучение причин кризисного положения немецких крестьян в восточных областях, прилежащих к Эльбе, было насущной задачей. Съезд Союза в сентябре 1890 г. постановил незамедлительно приступить к ее решению. Исследование, в котором активно участвовал Макс Вебер, было начато в 1891 г. Для его проведения были поставлены жесткие сроки. Основным методом было избрано анкетирование. Анкеты были адресованы и разосланы владельцам относительно крупных хозяйств, в которых использовалась наемная рабочая сила. Из разосланных 1500 анкет вернулось с ответами порядка 600.

Вебер начинал не на пустом месте. Практика проведения анкетных опросов с использованием статистики в Германии существовала давно, еще с 1848 г. Анкеты и тогда рассылались только владельцам крупных хозяйств, помещикам — землевладельцам с разным земельным наделом и сельским предпринимателям. Вне поля зрения составителей анкет оставались большие группы сельскохозяйственных рабочих, сельская интеллигенция, например духовенство, и в этом Вебер усмотрел заведомый просчет исследования. Однако изменить сложившийся порядок он уже не мог из-за сильной занятости преподавательской и общественной работой, о чем он пишет в одном из писем (Weber 1924: 343), и из-за краткости времени, отведенного на проведение исследования. Сами анкеты в силу этих же обстоятельств были почти полной копией анкет 1872–1873 гг. Вебер отмечал, что с начала 1870-х гг. до 1891 г., когда было начато исследование с его участием, на селе произошло много сдвигов, и потому формулировки вопросов нуждались в корректировке. Однако удалось добавить лишь пару новых вопросов.

Вебер начинал не на пустом месте и в другом смысле. Сельскохозяйственными рабочими энергично занималась немецкая социал-демократия. Вебер пристально следил за политическими действиями партии. Еще в декабре 1889 г. Вебер предсказал ей удвоение голосов на ближайших выборах 1890 г. (Weber 1924: 323), что и оправдалось. Он отмечает силу социал-демократии и «страх всех партий перед ней» (Weber 1924: 346). Добившись весомых успехов в официальной политике, например, в парламентских выборах, среди масс

рабочих, ее ведущие идеологи, прежде всего Карл Либкнехт и Карл Каутский, ставили задачу завоевания безоговорочного влияния на крестьянство. Об этом было неоднократно четко заявлено в партийных программах Социал-демократической партии. Съезд партии в Галле (октябрь 1890) призвал усилить агитацию именно в восточных провинциях страны с их высокой долей сельского населения. Социалисты уже давно вели активную пропагандистскую работу среди крестьян страны, о чем Вебер был хорошо осведомлен. Поэтому в анкету, рассылаемую Союзом социальной политики, был внесен, пусть даже последним, вопрос о роли и влиянии пропагандистов от социал-демократии. Учитывая несомненный успех этого влияния, Вебер интересовался практикой работы социалистов с крестьянством, результатами их деятельности. Он находился в прямом контакте с рядом ведущих и региональных деятелей партии. В свою очередь, они использовали материалы анкетирования и выводы Макса Вебера. Так, Карл Каутский опирался на них при написании своей работы «Аграрный вопрос» (Kautsky 1899).

Свои материалы и выводы Вебер представил в обстоятельном труде «Положение сельскохозяйственных рабочих в остэ debate в областях Германии». Для написания работы Вебер использовал громадное количество документов, статистических справочников и таблиц, исследований специалистов по экономике, экономической и социальной истории и др., в частности, работы своего учителя А. Майтцена «Документы силезских деревень. Об истории отношений на селе и особенно о разделении общинных угодий» (1863), «Земля и социальные отношения на селе в Пруссии после 1866 г.» (4 тома, 1868–1871). В заключительном разделе своего исследования, названном «О методе», Вебер особо указал на значение и оправданность использования для своего анализа статистики. Вместе с тем Вебер подчеркивает необходимость единения количественного и качественного подходов (Weber 1984: 885, 888), что он и осуществляет в своем исследовании. Статистические данные, касающиеся восточных областей, — Восточной Пруссии, Западной Пруссии, Бранденбурга, Мекленбурга, Померании, Силезии и др., почерпнуты им из анкет и источников земельных служб. Но Вебер ими не ограничивается. Он прибегает к собственным материалам, собранным им во время нескольких (трех) военных сборов, проходивших в этих районах. Вебер сам строит сравнительные таблицы, ищет и выводит косвенным путем показатели с целью выявления процессов двоякого рода. Во-первых, он выясняет реальное состояние в аграрной сфере востока страны, особо выделяя положение именно крестьян, сведения о которых были весьма скупы в ответах на анкетные вопросы, и по мере возможности изучает их жизненный уровень, образ жизни. Во-вторых, он выделяет основные тенденции глубинных социальных изменений под влиянием капитализма не только в этих областях, но и в стране в целом. В задачу Вебера не входила выработка личных рекомендаций для действий правительства и государственных учреждений, однако как гражданин, обеспокоенный положением в восточных провинциях, он их разработал, обосновал и предложил.

Для характеристики жизненного уровня крестьян на востоке Германии Вебер отказывается от принятых в старых анкетах в качестве основных ме-

тодик сравнения биржевых котировок и рыночных цен на продовольствие, предпочитая взамен связь оплаты труда и цен на продукты питания. Именно эти показатели, считает он, точнее отражают уровень жизни. Более того, Вебер изучает качественный состав продуктов питания. Он показывает, что переход сельскохозяйственных рабочих на мясной рацион вместо преобладавшего картофеля ведет к укреплению их здоровья и росту производительности труда. Вебер выделяет и другой процесс, связанный с этим: переход в состоятельных хозяйствах от натуроплаты, которая «является в высшей степени тормозящей и иррациональной силой» (Weber 1984: 903), к денежной форме оплаты. В этом переходе заинтересованы и сами сельскохозяйственные рабочие. Многие из них без сожаления расстаются со своей собственностью — небольшими земельными наделами и мелкими фермами. Они постепенно переходят на позиции сельских пролетариев, что существенно облегчает им жизнь: нет забот о заготовках зерна, фуража, о сохранности скота, техники и т. п. И здесь Вебер вскрывает ключевую тенденцию развития аграрной сферы: отказ сельскохозяйственных рабочих от собственного хозяйства ведет к их пролетаризации и внедрению капитализма в отношения на селе. Как говорит старая немецкая мудрость, «собственность обязывает». Отказ от собственности, пролетаризация сельскохозяйственных рабочих освобождает их от обязанностей, предлагая взамен мобильность как синоним свободы. В анкетах Вебер обнаруживает «общее стремление к индивидуальной свободе, <...> мощное и чисто психологическое колдовство “свободы” находит здесь свое выражение» (Weber 1984: 920).

«Сильный хозяин пробивает брешь в старой системе и способствует, независимо от своего личного желания, пролетаризации сельской экономики. Патриархальная организация по всем показателям подвержена превращению в капиталистическую. Движение в этом направлении идет уже давно, но в различных областях на востоке оно протекает по разному» (Weber 1984: 920). Восточная Германия, прилегающая к Эльбе, распадается, по Веберу, на две части по организации хозяйства и труда — патриархальную и капиталистическую. Если на севере (Восточная Пруссия, Мекленбург, большая часть Померании) преобладает патриархальность, то она почти полностью исчезла на юге (Позен, Силезия). Выделенная Вебером тенденция находит подтверждение и подкрепление в поведенческой доминанте немецких сельскохозяйственных рабочих, на которую он указывает. Эта доминанта — стремление к индивидуализации, страстный порыв к тому, чтобы вырваться из патриархальной семейной и общественной связанности любой ценой, даже ценой перехода на положение пролетария, сознательно отказывающегося от дома и отечества во имя личной свободы. И в этом неустанном стремлении Вебер видит «самую характерную тенденцию как раз в самых деловых элементах сельскохозяйственных рабочих» (Weber 1984: 919). Сельскохозяйственный рабочий видит свою цель в самостоятельности существования — «это и есть аграрный вопрос, его главная характеристика по сравнению с рабочим вопросом в промышленности <...> Другого “социального вопроса” на селе в Германии нет», — делает вывод Вебер (Weber 1984: 921). Вебер действительно подчеркивает, что его решение в стране пойдет не по социали-

стическому пути, а по пути усиления индивидуализма. В этом состоит, по Веберу, неотвратимый естественный процесс («*Naturgewalt*»). Вместе с тем Вебер подчеркивает, что отношения на селе никоим образом не идут по пути отношений, складывающихся в индустрии (Weber 1984: 65).

Стремление к индивидуальной свободе обнаруживается Вебером даже в скупых анкетных сведениях и в трудовых договорах. «Не хлебом единым живет человек», приводит он слова из Евангелия от Матфея. Здесь же он приводит и слова Ф. Энгельса из его работы «Положение рабочего класса в Англии» о вопросе «ножа и вилки» как первичном, первостепенном по значимости для набирающих силу социальных движений рабочих и их сторонников, например чартистов. Вебер дает четкий резкий комментарий, звучащий как отповедь: материальный вопрос только вторичен (Weber 1984: 920). В своем исследовании он много раз останавливается на состоянии библиотек, качестве книг и газет в них, на претензиях рабочих к школам и оценке ими качества обучения и т. п. — эти факторы нематериальной природы играют определяющую роль. Сдвиги в сфере психологических потребностей людей гораздо значимее, существеннее, чем изменения в материальных условиях их жизни, «и недопустимо, чтобы наука эти сдвиги игнорировала», подчеркивает Вебер (Weber 1984: 920).

Проблемы развития востока страны значительно осложняются польскими сезонными рабочими. С 1890 г. по решению правительства граница с Польшей была открыта, и массы поляков, готовых на любую работу, наводнили восточные провинции Германии. Вебер отмечает, что их жизненные притязания существенно слабее, чем у немецких рабочих, которые требовательны не только в организации труда и в его оплате, но даже в пищевом рационе. Результат налицо: немецкие рабочие покидают восток страны, и в этом процессе Вебер видит реальную угрозу немецкому населению, германскому духу, Германии в целом и ее развитию. Нашествие славян — «это попятное движение германства» (Weber 1984: 915), это откат всей страны назад, потому что восточные области с их высоким жизненным уровнем, высокой степенью самосознания «просто идентичны германству» (Weber 1984: 915). Поляки (в этом понятии Вебер объединяет самые различные группы славян, не только поляков, но и русских, украинцев и т. д.), заселяющие восточные области, разрушают естественно складывающийся процесс развития страны. Поляки угрожают давно устоявшемуся на востоке страны традиционному прусскому укладу, постепенно исчезающему теперь под натиском капитализма, но все еще глубоко укорененному в сознании людей. Вебер с глубоким почтением и симпатией относится к роли прусского порядка, стоявшего всегда на страже немецких границ и немецкой военной мощи, немецких ценностей и немецкого образа жизни. Именно в этом смысле восток страны «идентичен германству». Особую заслугу юнкерства Вебер видит в созданном им «специфическом виде социальной организации» (Weber 1924: 365).

«Плотная закрытость аграрного востока от проникновения извне была одновременно и отражением, и основой строгой государственной организации. Она была прежде всего той почвой, на которой выросли психологические предпосылки дисциплины военного образца» (Weber 1924: 365). Имен-

но здесь, на немецком востоке, в обыденном бытии складывались и укоренялись навыки совместной деятельности работника и хозяина, их единение в общем деле, привычка к послушанию, которая оставалась с человеком навсегда и наиболее ярко проявлялась в армии. Солдатам из восточных областей была присуща особая гордость, заставлявшая их всегда быть в первых рядах и создававшая их «капитал, с помощью которого Пруссия выигрывала сражения» (Weber 1984: 916). Заслуга патриархальной организации труда, по Веберу, состоит в том, что она консервирует в себе питательную среду работоспособности и военного усердия прусского типа. (Пиетет по отношению к нормам прусского уклада жизни Вебер сохранил навсегда.) Капиталистически организованное предприятие, напротив, содержит в себе предпосылки распада крупных сельских предприятий старого, юнкерского образца и развала обороны немецкого востока. Дни патриархальности на селе сочтены. Но капитализм, уверенно набирающий силу на востоке, питается соками отмирающего прусского порядка (Weber 1984: 917). И потому темпы движения навстречу капитализму различны не только на западе и востоке страны, но и в городе и на селе. Собственное отношение к процессам внедрения и укрепления капитализма в сельском хозяйстве Германии Вебер выразил в письме к виднейшему экономисту, профессору национал-экономики Мюнхенского университета Луйо фон Brentano от 20 февраля 1893 г.: «Является ли и для аграрных отношений рационально организованное капиталистическое, полное сил крупное предприятие выражением экономического и социального прогресса? В любом случае я верю в последнее, а первое для наших немецких отношений на время нужно отклонить. Допустимо ли с точки зрения национальной политики внедрение в сельскохозяйственное производство в обозримом будущем городской экономики? Я так не думаю, даже считаю это опасностью для культуры, поскольку естественные условия производства не уравниваются» (Weber 1924: 364–365).

В распаде старых форм организации предприятий и трудовых связей Вебер, уже к тому времени получивший известность специалист в области истории аграрных отношений, не видит ничего необычного. Это объективный исторически обусловленный процесс. История знает прецеденты. Он ссылается на пример из истории Древнего Рима, приведенный им еще в диссертации «Аграрная история древнего Рима» (Weber 1891: 220 и след.). «Теперь мы снова стоим перед старой проблемой — эмансипацией низших слоев» (Weber 1984: 923).

Национальный и государственный интерес Германии, по Веберу, требует поддержки именно капиталистической организации производства на селе, а не юнкерского уклада, ибо она является здесь символом прогресса. Однако польская экспансия — «экономическое, национальное и политическое зло» — существенно осложняет очевидное решение. Отток все более пролетариизирующихся слоев немецкого населения — путь ослабления и востока, и страны. Процесс надо остановить и направить в другое русло, а именно закрепить эти слои на селе, превратив их в массу самостоятельных крестьян. «Важнейший вопрос состоит в том, удастся ли поднять сельскохозяйственных рабочих до уровня крестьянского сословия и выльется

ли тем самым вопрос о сельскохозяйственных рабочих в вопрос о «внутренней колонизации»» (Weber 1984: 926).

«Внутренняя колонизация» — это и есть тот искомый реальный выход в борьбе против напора иностранных сезонных рабочих, это и есть практическое решение важнейшей национальной задачи, предложенное и обоснованное Вебером. Задача государства, считает он, состоит в срочном энергичном воплощении этого решения в жизнь. Главное здесь — не опоздать, иначе вытеснение немцев завершится потерей людей, призванных проводить «колонизацию», более того, оно ускорится с разрешением властей русским переселенцам жить на востоке, предупреждает Макс Вебер (Weber 1984: 926–927). У государства как раз в аграрной сфере есть огромная сила, и потому оно должно поддержать сословие становящихся самостоятельными крестьян покупкой у них зерна, установкой приемлемых для них цен на технику, фураж и т. д., денежными ссудами и кредитами. Кроме того, существенные послабления с налогами на востоке могли бы стать средством привлечения сюда крестьян из других земель страны и служить таким образом укреплению «внутренней колонизации». Характерно, что идея «внутренней колонизации» получила резонанс, одобрение и конкретное воплощение в деятельности ряда крупных землевладельцев, сельских предпринимателей и даже прусских чиновников востока. Таким приверженцем идеи стал, например, владелец крупного хозяйства по выращиванию сахарной свеклы и производству сахара, член рейхстага от национал-либеральной партии, член президиума Союза социальной политики Антон Людвиг Зомбарт (отец Вернера Зомбарта, знаменитого социолога и экономиста, коллеги М. Вебера). Он ввел «частную колонизацию» на территории специально выделенного им для этой цели большого земельного надела и добился весомого успеха.

Юнкерство восточных земель поддерживало государство во всех его начинаниях и само было его спинным хребтом. И потому, считает Вебер, у государства есть еще и моральный долг перед юнкерством и его заслугами. Именно отсюда вышел князь Отто фон Бисмарк — «личность, долгое время стоявшая у руля. Восток, Пруссия всегда были политической и экономической базой страны» (Weber 1984: 927). Сегодня восток поставляет рабочую силу индустрии запада для укрепления экономической мощи Германии. Но сегодня и сам он нуждается в поддержке государства и защите, и от этой поддержки зависит будущее немецкого востока, подчеркивает Вебер. Однако его собственная позиция однозначна: национальный, государственный интерес выше интереса класса, время которого прошло.

Уже изначально, на уровне формирования анкет исследования Вебера имело политический характер. В фокусе его внимания находились социальные отношения в самой стране и вне ее. Он смело и решительно выступил за либеральную аграрную политику, против ориентира правительства на приоритетное развитие промышленности, доказав, что стабильность национального государства достижима балансом сил в сфере экономики и политики внутри страны и вне ее. Аграрный вопрос теснейшим образом связан с решением политических вопросов — как внутривнутриполитических, так и вопросов внешней политики. Для укрепления экономической мощи госу-

дарства и в интересах национальной политики надо провести экономико-политическую реорганизацию сельского хозяйства прежде всего в наиболее уязвимых районах, настаивает Вебер. К таковым относится пограничный восток Германии, его сложный клубок проблем настоятельно требует политической оценки и решений. И здесь в дело должно активно вмешаться государство. «Не только возможно, но в высшей степени желательно, чтобы государство как самый крупный землевладелец показало пример в этой области», — говорил Вебер на съезде Союза социальной политики 21 марта 1893 г., где он выступал с отчетом о результатах анкетирования (Weber 1993a: 194). Эту же позицию Вебер четко и жестко представил во Фрайбургской вступительной речи в 1894 г.: «Сейчас впервые за долгое время государству выпал шанс, когда его вмешательство еще не опоздало, и в этом состоит величие ситуации. Если мы будем скептически противостоять решению проблемы — ибо это возможно по множеству причин, и думать, что внутренняя колонизация не удастся и что успеха не будет, тогда мы успокоимся когда-нибудь в этом сознании и уподобимся войску, которое, защищая страну, остановилось в нерешительности на восточной границе Германии» (Weber 1993a: 197). Во имя будущего страны, ее прочной социальной организации и сохранения культуры Вебер настоятельно требует «как можно скорее» закрыть польско-немецкую границу, даже если экономика восточных провинций на какое-то время потерпит урон от введения этой меры. Геополитические интересы национального государства важнее, чем решение любых внутренних экономических задач. Но именно эти задачи были чужды немецкой социал-демократии, активно пропагандирующей лозунг «У пролетариев нет отечества». Объективно социалисты оказывались на стороне поляков. Однако Вебер был убежден в том, что «пока сила играет решающую роль в отношениях между нациями, до тех пор и экономика будет стоять на национальной почве» (Weber 1993a: 724). Последующие события, например позиция немецких социал-демократов в парламенте по вопросам военных кредитов в Первой мировой войне, полностью подтвердили его правоту.

Вебер был неудовлетворен результатами анкетного исследования для Союза социальной политики. Его не устраивали и устарелость анкет, и ограниченность адресатов, к которым они были посланы, и субъективизм их ответов. Эта неудовлетворенность стала причиной продолжения исследования, но в другом формате и под эгидой другого учреждения, а именно Евангелически-социального конгресса. Пастор Фридрих Науман, глава конгресса, объединил вокруг себя либеральных протестантов, обеспокоенных активной агитацией социал-демократов в сельских районах Германии. В новом исследовании Вебер продолжает сделанное, но отталкивается от сугубо научного исходного положения о необходимости выбора незаинтересованных реципиентов, в отличие от крупных землевладельцев, помещиков средней руки и сельских предпринимателей, на которых опиралось предшествующее исследование. Кроме восточных провинций, новое анкетирование охватывало и другие сельскохозяйственные регионы страны. Теперь анкеты рассылаются прежде всего духовным лицам, равно причастным ко всем группам сельского населения и знающим о них гораздо больше, чем только рабо-

тодатели. Другое дело, что Вебер давно и глубоко сомневался в практической эффективности действий духовенства, о чем он писал в одном из частных писем еще в начале 1891 г. (Weber 1924: 325).

Сомнение вызывала у него и адекватность понимания духовенством сути актуальных социальных вопросов. Вебер принял участие в чтении курса лекций летом 1893 г. в Берлине перед служителями протестантских и католических церквей с акцентом на проблемы аграрной политики. Это было обстоятельное обсуждение экономики сельского хозяйства и социальных отношений на селе. Как писал Фридрих Науман, руководитель курсов, о лекциях Макса Вебера, «доклады доктора Вебера по сельскому хозяйству и аграрной политике — великолепный подарок. В Вебере соединяются научность с практической хваткой. Он знает, как понимают его слушатели и что им надо. Его первый доклад о предыстории аграрного устройства в Германии был, по нашему мнению, украшением всех курсов. <...> У него кругозор политика, он видит дремлющие силы в крестьянах немецкого востока и вопрошает при этом, какую же роль эти силы должны играть в судьбе всего государства. Он ставит слушателей перед вопросом: те ли мы люди, которые призваны разбудить немецкий восток» (Weber 1993a: 256–257).

Это были серьезные курсы, на которых видные ученые читали лекции по трудовому законодательству, важнейшим аспектам социального страхования, системе народного хозяйства, промыслам, социальным движениям, праву и т. д. Цель курсов состояла в теоретической подготовке служителей культа в борьбе с социал-демократами (Weber 1993a: 234) и их пропагандистской деятельностью. Однако эта борьба должна вестись не просто убедительно, но квалифицированно, с опорой на научные аргументы, считал Вебер. Сам он категорически и многократно выступал против устоявшегося среди духовенства дилетантизма в его работе с паствой (Weber 1993a: 235 и след.), ибо здесь, по его мнению, коренится причина ослабления влияния религии в массах. Если служитель церкви не может объяснить членам своего прихода причины их сложной жизни, «противостоит им как неопытный ребенок», то доверия ни ему, ни церкви у людей не будет. От него ожидают «полной четкости суждений, которая возможна только на основе научных предпосылок в объяснении социальных явлений и трудностей, эти научные предпосылки противостоят кажущимся и желаемым решениям» (Weber 1993a: 236). Разумеется, речь не идет о пропаганде и о стремлении объяснить все мировые проблемы. Напротив, жизненные проблемы надо показывать в их сложности, и здесь важно правильно поставить практические вопросы и показать вытекающие следствия из их решения. При этом недопустимо давать проблемам «евангелическое освещение», например сельскому хозяйству. Такое «освещение» без сомнения будет тут же отвергнуто людьми, показывает Вебер. Польза от этих курсов, собравших широкий круг слушателей, оказалась огромной. Имея в виду новое исследование, Вебер отмечал: «Анкететы по исследованию сельскохозяйственных рабочих и их результат навсегда разрушили веру в неспособность духовенства к практическому решению экономических проблем» (Weber 1993a: 237).

Новое исследование было проведено в 1892–1893 гг. По всей Германии в

сельские духовные учреждения было разослано 1500 анкет, с ответами вернулось порядка 1000. Вебер сам занимался анализом ответов из восточных областей. Его коллега по этой работе Пауль Гере, один из ведущих деятелей Евангелически-социального конгресса, обобщал ответы из западных провинций. Гере был хорошо известен своими острыми выступлениями, критическими исследованиями, например, рядом работ, выполненных методом включенного наблюдения, по изучению положения индустриальных рабочих Силезии. В новом исследовании существенно возросло число показателей, характеризующих жизненный уровень и образ жизни сельскохозяйственных рабочих и их хозяев. Так, в 10-м разделе анкет задавались вопросы о происхождении, о месте рождения, о месте предшествующего проживания и деятельности, о психологическом влиянии на человека его перемещений и перемещений других людей, о потребности в собственном просвещении (книги, газеты и их качество) и просвещении детей (качество школьного обучения), об отношении к работодателям и чиновникам, к объединениям работодателей и рабочих, к социалистической агитации (Weber 1993a: 216). В поле зрения исследователя попали новые вопросы, например о влиянии собственности на ее владельца, о месте детей и женщин в хозяйстве мелкого собственника, крупного землевладельца, имеющих земельный надел и безземельных рабочих. Вебер получил возможность изучить те социально-экономические группы, на которые делятся рабочие, их отношение к труду, к церкви (Weber 1993a: 103). При этом Вебер делает важное замечание: «Представление опрошенных об их положении для нас важнее, чем это положение само по себе» (Weber 1993a: 102).

Уже на новых материалах Вебер еще раз подтверждает сделанный ранее прогноз о том, что «положение средних и мелких хозяйств вопреки всему гораздо предпочтительнее, чем положение крупных, которых ожидает мрачное будущее» (Weber 1993a: 85). Причина этого, по Веберу, не только экономическая, состоящая в возможности оперативно менять земледельческие культуры, вводить прогрессивные методы содержания скота, покупать или арендовать новую технику и т. д., но в большей степени социальная, объясняющаяся характером отношений между хозяином и работником. В мелком индивидуальном хозяйстве они гораздо ближе друг к другу, вплоть до того, что работают «на равных», они принадлежат одной культуре, их этические мотивы и интересы совпадают. В крупных хозяйствах, организованных на патриархальных началах, напротив, дистанция между ними непреодолима, что облегчает хозяину возможность произвести замену немецкого работника на пришлого, например поляка, готового на все, который и обходится дешевле (Weber 1993a: 85). Патриархальные хозяйства сами объективно способствуют тем самым оттоку немецких рабочих и их пролетаризации, а себе подписывают смертный приговор. Это «картина прогрессирующего разложения исторически устоявшегося порядка трудовых отношений в крупных землевладельческих хозяйствах», — делает вывод Вебер (Weber 1993a: 89). Остановить этот процесс невозможно.

Политико-экономическая доминанта во втором исследовании была усилена, потому что Вебер смог ближе и точнее изучить процессы на селе и

сделать обобщения более широкими. Он еще раз убедился в необходимости реализации программы «внутренней колонизации». Прекрасно сознавая необходимые для этого огромные затраты, Вебер тем не менее тверд в своей позиции: «По моему мнению, требование государственной, большой и серьезной систематической колонизации правильно» (Weber 1993a: 337). Эту позицию энергично поддерживал П. Гере. Выступая с содокладом на заседании пятого Евангелическо-социального конгресса, на котором их позиция стала предметом острой дискуссии и критики, Вебер говорил и от имени Гере: «Мы должны отстаивать цель колонизации немецкого востока. потому что мы не можем содержать здесь крупное предприятие и потому что колонизация является как раз единственным средством решения сельскохозяйственных проблем. Она пробьет путь наверх для рабочих, предоставит им возможность снова стать членами класса собственников, с которым они потеряли связь <...> ибо там, где эта связь существует, как, например, в Мекленбурге, там они остаются на селе» (Weber 1993a: 337). Владение землей, земельным наделом — единственный тормоз, препятствующий миграции и дальнейшей пролетаризации. Немецким сельскохозяйственным рабочим нужно выделить землю, поселить их в деревнях с крепкой общиной, при этом землю можно арендовать у крупных землевладельцев или купить с помощью банковских ипотек. Такие меры позволят сохранить немецкую рабочую силу. Трудности на пути колонистов неизбежны, но их надо преодолевать «в интересах государства», подчеркивает Вебер (Weber 1993a: 338). Смысл этого интереса нации, государства Вебер определяет четко: «Мы хотим приковать их к родной земле не правовыми цепями, а психологическими. Мы хотим — я говорю это откровенно — использовать их жажду земли, чтобы привязать их к родине, и если ради сохранения будущего страны нам понадобится утрамбовать в землю целое поколение, то мы бы взяли на себя эту ответственность» (Weber 1993a: 338). Германия находится в состоянии перехода к капитализму, это будущее, которого никто не знает, говорил Вебер, но на него надо работать уже сейчас, и «потому нас исключительно занимает сохранение народа, и для этого у нас на востоке есть единственное средство — крестьянская колонизация» (Weber 1993a: 339).

Вместе с тем новое исследование заставило его пересмотреть некоторые положения, которые казались ему непреложными в предшествующем. Но именно в изучении «аграрного вопроса», в обоих исследованиях Вебер вышел на главный феномен Нового времени Европы — современный западноевропейский капитализм, анализ значения и исторической судьбы которого ученый сделал главной темой своей деятельности. Энергичное внедрение капитализма в Германии ведет к необратимому изменению экономики страны, социальной структуры общества и психологии людей, показывает Макс Вебер. Индивидуализация как синоним Нового времени и победы человеческого разума идет рука об руку с противоположным процессом, а именно с обезличиванием людей, необходимо объединенных в социальные классы. Личностные отношения хозяина и работника, еще существующие в аграрных провинциях востока страны, на что настоятельно указывал Вебер в первом исследовании, быстро отмирают, идет усиленная пролетаризация. Те-

перь, во втором исследовании, он называет именно эту тенденцию «важнейшей в высшей степени» (Weber 1993a: 327), а не индивидуализацию, в которой видел в первом исследовании смысл «аграрного вопроса в Германии», что особо выделял и настоятельно подчеркивал (Weber 1984: 921). Более того, Вебер выявляет «выдающийся по своему значению феномен: замену личностных отношений господства хозяина на безличное господство класса <...> Только класс может иметь дело с классом, ответственные отношения между отдельным хозяином и отдельным работником исчезают, отдельный предприниматель в известном смысле призрак, он только типичный представитель класса. Отношения личной ответственности исчезают. Вместо них выступает нечто безличное, называемое обыкновенно властью капитала» (Weber 1993a: 327). Власть капитала, как и сам капитализм, как воплощение судьбы западноевропейской цивилизации, есть неотвратимая данность, норма, и замене не подлежит. Поиски альтернативы капитализму заведомо исключены. Тем более социализм не может стать таковой — эту позицию, впервые четко обозначенную в первом исследовании по «аграрному вопросу», Вебер проводил и подтверждал новыми аргументами на протяжении всей своей жизни (Макс Вебер, прочитанный сегодня 1997: 120–137).

Свое суждение о различии процессов пролетаризации в индустрии и сельском хозяйстве, содержащееся в выводах первого анкетирования, Вебер вынужден снять во втором как ошибочное. Здесь, во втором исследовании, он обнаруживает, что крестьянин становится частью класса пролетариев точно так же, как землевладелец превращается в составную часть класса предпринимателей (Weber 1993a: 327). Восхищенный в первом исследовании движением в направлении индивидуализации, Вебер высказывает здесь тем не менее свою догадку, а скорее, подозрение, что свобода — «это грандиозная иллюзия» (Weber 1993a: 920). И во втором исследовании это подозрение находит свое жесткое подтверждение. Удача и проигрыш зависят не от таланта, воли или личного труда отдельного человека, а от действия невидимых экономических сил. Индивидуальная свобода оборачивается своей противоположностью: незримой анонимной связанностью и неустанной борьбой — человека с человеком, класса с классом, государства с государством (Weber 1993b: 622, 638).

Региональный вопрос о положении остэльбских сельскохозяйственных рабочих, — казалось бы, вопрос все-таки частный, — получает в исследовании Вебера не только практическое решение, но и поднимается до уровня серьезной политико-экономической проблемы, имеющей принципиальное значение для стабильного существования немецкого государства, немецкой нации. Более того, эта проблема, показывает Вебер, отражает и включает в себя динамику современного западноевропейского капитализма и ее весьма противоречивые следствия.

Сегодня концепция «колонизации», независимо от ссылок на позицию Макса Вебера, по-новому воплощается в жизнь. Часть восточных земель возвращена и возвращается ее бывшим владельцам, которые до 1945 г. смогли покинуть свои хозяйства и теперь вернулись, часто обогащенные новым — мировым — опытом. Заметную часть сельскохозяйственных рабочих, наме-

ренных надолго здесь обосноваться, составляют иммигранты. Это так называемые русские немцы — этнические немцы из России. Характерно, что они, прибывшие и прибывающие из аграрных районов России, Украины и среднеазиатских республик, овладевают практикой и теми знаниями по вопросам земледелия и животноводства, которые здесь давно известны, укоренены и получают развитие. В свою очередь, они привносят свой опыт, методы труда и новые сельскохозяйственные культуры. Это и есть современный вариант «внутренней колонизации», а, по сути, процесс взаимообогащения идеями и деятельностью, в восточных землях нынешней Германии. И этот вариант «колонизации» государственные фонды поддерживают всеми возможными средствами — от региональных материальных и денежных инвестиций до конкретного адресного финансирования.

Для России этот естественный процесс обмена идеями и деятельностью требует осмысления и, возможно, какого-то заимствования, тем более что приток сюда иммигрантов из числа этнических русских пока неиссякаем. Россия может опереться на опыт других стран, имеющих развитые традиции приема иммигрантов. Это в первую очередь США, Франция, новейший пример может дать Германия. Однако ведущим является фактор государственного управления процессом иммиграции и его поддержки. Нужна реализация государственной программы организации переселения, в которой предусмотрено решение конкретных вопросов адаптации иммигрантов, их жилья и трудоустройства, образования детей и финансирования пенсионеров. Разумеется, в их решении активная роль принадлежит самим иммигрантам, местным властям и коренному населению, от психологической готовности которого принять переселенцев и помочь им зависит социальный климат в регионах адаптации и ее успех.

Литература

- Бисмарк О. Мысли и воспоминания. М., 1940.
Витте С. Ю. Воспоминания. Берлин, 1922.
Макс Вебер, прочитанный сегодня / Под ред. Р.П. Шпаковой. СПб., 1997.
Шпакова Р.П. Макс Вебер о становлении демократии в России // Социологические исследования. 2003. № 3.
Kautsky K. Agrarfrage. Stuttgart, 1899.
Weber M. Die römische Agrargeschichte in ihrer Bedeutung für das Staats- und Privatrecht. Stuttgart, 1891.
Weber M. Gesamtausgabe. Bd. 3, 2. Halbband. Tübingen, 1984.
Weber M. Gesamtausgabe. Bd. 2. Tübingen, 1986.
Weber M. Gesamtausgabe. Bd. 10. Tübingen, 1989.
Weber M. Gesamtausgabe. Bd. 4, 1. Halbband. Tübingen, 1993a.
Weber M. Gesamtausgabe. Bd. 4, 2. Halbband. Tübingen, 1993b.
Weber M. Jugendbriefe. Tübingen, 1924.